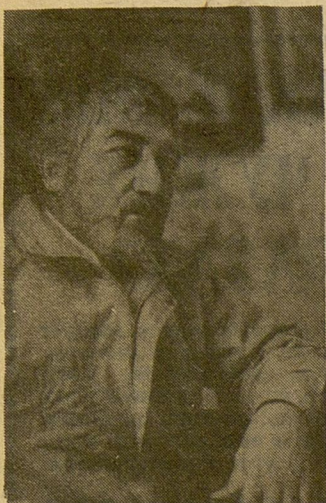
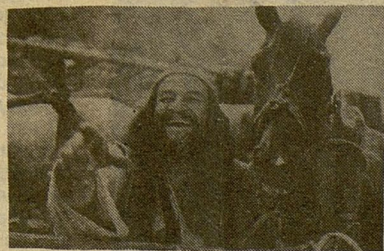

КТО МЫ? КУДА ИДЕМ?

Но как окупать эти фильмы без рекламы, тем более теперь, когда их показывать-то можно только у себя дома? На Западе на

Этого кинорежиссера представлять не надо: его знают и любят в республике, его фильмы с большим успехом шли, идут и, надеемся, в дальнейшем не будут обойдены зрительским вниманием.

Пятидесятилетие для него — это рубеж, когда накоплен опыт и немалый, и творческий багаж весом, и путь, отнюдь, не усыпанный розами, но принесший славу не только в Отечестве своем. Скажу: счастливая судьба. Хотя знаю — Бако Садыкову не очень сладко жилось и живется: каждая экспедиция (съемка очередного фильма) — это много потерянного здоровья. Ведь режиссер-постановщик в нашей системе не только творческое лицо, но и администратор. А чего стоит у нас что-то достать, чего-то добиться, сколько времени уходит на съемку одного кадра с помощью аппаратуры оных времен. И тем не менее, картины выходят — в последнее время чаще, чем раньше. Правда, увидеть их не так-то просто. В связи с этим мой первый вопрос:

— Бако, сейчас мы видим только рекламные ролики, не всегда, кстати, хорошего качества, и слышим закадровый голос: право на прокат такого-то фильма имеет такое-то объединение, фирма, кооператив. Права-то передали, а где ленты?

— Сегодня происходит разделение республик, государств. И, как говорится, на неделю семь раз: то девять плюс один, то семь плюс, то пять плюс. Как-то неразбериха. Конечно же, рушатся связи, и не только экономические, но и духовные. У нас, киношников, свои проблемы: распался кинопрокат, на пути к этому Союз кинематографистов. Госкино страны (или как теперь называть его) принимает наши картины без представителей республик, поэтому они до зрителя и не доходят. Почему такая сложилась ситуация? Центр показывает то, что в центре создано, периферия выпадает из поля его внимания. Тем более, когда возникла проблема дублирования на русский язык.

Раньше вся работа проходила централизованно: Госкино делал заказы, выплачивал каждой киностудии деньги на съемки 2,5—3-х фильмов в год (примерно 1,5 миллиона рублей), и творческие группы приступали к съемкам художественных, документальных лент. Республика кино не субсидировала. Бывали, конечно, редкие исключения, но суммы — незначительные: 25—50 тысяч рублей. Совет Министров Таджикской ССР выделил, к примеру, на съемки кинофильма «Смерч» 50 тысяч.

Теперь везде хозрасчет, самофинансирование. Мы идем к рынку. Плохие картины оплачиваться не будут. У нас, скажем, субсидируют один фильм в год. Конкурс? Конечно. Появляется светлая надежда, что серости на экранах поставлен заслон. Хотя мы еще не до конца знаем возможности «пробивной силы», наводнены же кинотеатры чернухой и порнухой, откровенно слабыми американскими и индийскими фильмами. У нас тоже что-то подобное снимается, кто-то средства дает. Хозяева картин сами ездят по городам и весям и занимают их прокатом.

— Но очень негромко работает наша студия. Раньше мы чуть ли не с первых дней знали, кто, что и где снимает.

— Тахир Сабилов завершил «Восе» — две серии прокатных, четыре — для телевидения. Собирается еще одну историческую ленту снимать: «Темур-Малик». Деньги на нее выделяет Худжандский шелкокомбинат.

рекламу картин затрачивается в десять раз больше.

На «Благословенную Бухару» мы, к примеру, не получили от республики ни копейки.

— Кто же оплатил расходы?

— При Союзе кинематографистов Казахстана создано творческо-производственное объединение «Катарсис» со своим счетом в банке, естественно. Картина обошлась в 360 тысяч рублей, за нее получают миллионы. Причем, в конвертируемой валюте. Пять республик региона — Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан — предложили объединению «Катарсис» 1 миллион (по 200 тысяч от каждой республики), чтоб провести единовременную двухдневную премьеру, и получили отказ. Вот к чему приводит нерешительность — если бы «Таджикфильм» оплатил хоть какую-то часть расходов, у него появилось бы право и на прокат, и на какие-то проценты за демонстрацию картины в других городах, республиках, странах.

Мне, как режиссеру-постановщику такой поворот дела неинтересен, я делал фильм, в первую очередь, для своего зрителя.

Хотя скажу откровенно, даже «Смерч», снятый в родных пенатах, прошел незаметно, потому что его демонстрировали на вторых экранах без какой-либо рекламы.

А картина вызвала интерес: как-то произошла неожиданная встреча со зрителем в Киноконцертном зале им. Борбада, состоялся интересный разговор, много давший мне и, смею надеяться, — зрителю тоже. Директор кинотеатра сказал, что в Прибалтике, Грузии, Молдавии на эту ленту билетов не достать.

— В чем причина плохого проката?

— И в кинопрокате, и в Госкино республики сидят невежественные люди, мало того, что не знающие, но и не интересующиеся кинематографом. Их сажают сверху... О какой морали, нравственности можно говорить? Усевшись в кресла, вершат судьбами культуры, судьбами художников.

Слава Богу, проката нет, Госкино ликвидируют. Будут установлены прямые контакты: киностудия — кинотеатры. Купят — пойдут фильмы, не купят... Кому же захочется работать себе в убыток?

Рынок — это вещь жестокая. Здесь надо быть сверхловкими людьми, чтоб суметь прокатывать откровенно слабые фильмы.

— А как быть с художником, личностью, если его по-

купают вместе с детищем и лишают права голоса?

— Думая о своем будущем — скорее всего, зависимом, — мы решили этой участи избежать. Создали свою кинофирму «Синамо» при кинофонде Союза кинематографистов республики. Генеральный директор — Обид Хамидов, человек, имеющий большой опыт в киноделе: он был директором «Таджикфильма» в семидесятые годы. Я — художественный руководитель. На договорных началах фильм финансируют «Катарсис». Наши картины теперь будут демонстрироваться в кинотеатрах республик Средней Азии и Казахстана. «Катарсис» дает нам полную свободу, не лезет с советами, не давит.

В нашей фирме хотим собрать людей талантливых, интересных, снимать будем не только художественные, но и документальные ленты.

— В титрах фильма «Благословенная Бухара» тоже значится «Катарсис». Может быть, поэтому мы ее не видим?

— Да. Он будет прокатываться за валюту за рубежом. А также продаваться владельцам видеоманитов и видеосалонов (видеокассеты тоже делает «Катарсис»). Но мне дается право участия в кинофестивалях.

Приезжал известный кинокритик Андрей Плахов отбирать фильмы для Венецианского кинофестиваля. Он сказал: «Только «Благословенная Бухара» — и никакой другой фильм. Но картина в Венеции показана не была.

— Почему же?

— На местах сидят некомпетентные и нечестные люди. Своих толкают.

— Обидно, конечно, но что поделаешь. Давайте лучше перейдем на более приятные темы. Вы недавно закончили новую ленту. Расскажите, пожалуйста, немного о ней.

— Она называется «Джосус» («Лазутчик») — несколько не в моем стиле. Выстроена по законам драматургии, сюжетная линия есть, на которой строится действие. Картина поэтичная, красивая, в сущности — объяснение в любви неприкрашенному естеству. Может быть, несколько мелодраматичная. Мы говорим о вещах чистых, святых, мы хотим приблизиться к Богу, от которого были насильно отторгнуты. Куда же мы идем, кто мы? Это не конъюнктура, ни в коем случае — не политика. Извечные вопросы, которые волновали человечество во все времена и, к сожалению, сегодня не столь волнующие очень многих. Тех, кто превращен тоталитарной системой в массы, в толпу. Которой легко помыкать, управлять, которую легко вести за собой. Задача художника, если, конечно, он истинный художник, возродить душу, вычленив из масс, из толпы человека, возвращать каждому — индивидуально — его достоинство, честь, знания о себе, о своем предназначении на этой земле.

— Проблемы, скажем, глобальные. Философские. Только дойдут ли ваши мысли, будут ли интересны.

— До кого-то и дойдут. Даже если до одного — и то стоит трудов.

В скором времени приступаю к работе над новой вещью. На-

звал «Остров». К этому фильму шел долго. Лет 7—8. Работа шла подопудно. Даже когда был занят другой. Возникают мысли, образы, откладываются в тайниках души. Выкраиваешь время, записываешь. У меня так сложилось: снимаю картину, и параллельно возникает следующая.

«Остров» — будет первой картиной, в которой я буду проследивать судьбы героев от начала и до конца. Если раньше я говорил о человеке, как о части природы, находящемся в гармонии с небом, землей, со стихиями, то сейчас хочу уделить внимание каждому персонажу, психологически разработать мотивы их поступков, взаимоотношений.

Это трагическая история семьи, которую можно отнести к категории «белых ворон». Город, в котором они живут, выдворяет ее, она не вписывается в рамки их морали, этики.

В планах — «Александр Македонский». Выразили согласие сотрудничать англичане, может, появятся и другие партнеры. Парадокс: несмотря на то, что Александр Великий был завоевателем, жители Согдианы сложили о нем много сказаний, притч, легенд. Видно, было в этом человеке что-то притягательное, коли народ пронес память о нем сквозь тысячелетия.

— Невольно задумываешься о сегодняшнем, проводишь аналогии. Что останется о наших «великих» в анналах истории?

— В нас просто сказывается общая болезнь — растерянность от создавшейся сегодня ситуации. Империи возникали и распадались во все времена. О них оставались лишь воспоминания в поколениях, свидетельства в летописях, книги историков. Но кто считал нужным запечатлеть там же рассказ о судьбе какого-то рядового человека — не князя, не эмира, не царя, не народного героя? Кому это приходило в голову? Разве что беллетристы создавали свои сюжеты, в коих довольно объемно и ярко рисовались и образы персонажей второго-третьего плана, но это плоды воображения, творческого осмысления каких-то перипетий.

Что касается событий, происходящих в бывшем Союзе, они могут выстроиться так или эдак — от нас уже ничего не зависит. Все пойдет так, как должно пойти, и не надо заранее нервничать, убиваться. Вариантов может быть множество: обновленный Союз (не сразу — через перипетии, коллизии, драматическое их завершение), региональное сотрудничество и т. д. В любом случае художник — как и всегда — со своими мыслями, исканиями, сомнениями, а личностно на пути к самосовершенствованию. Ведь жизнь не останавливается, она идет, и участвовать в этом процессе или не участвовать — не нам решать.

Единственное, что я могу сказать определенно: не хотелось, чтоб у нас было, как в Европе и в США. Исчезли, скажем, коммуналки, заполнились прилавки, каждый второй стал владельцем машины, земельного участка с домиком, ну, и что дальше? Скука. Почему, вы думаете, так сильно развита наркомания, проституция, так часты случаи самоубийства за «бугром»? Казалось бы, все есть, чего еще не хватает? Там каждый занят собой,

(Окончание. Начало на 14-й стр.).

а до кого-то дела нет. (Бывают, правда, исключения).

Я думаю, нам тяжело порой неимоверно, но, как говорится, радуйся препятствиям, ими растешь. Просто не стоит поддаваться унынию, надо научиться извлекать хорошее из всего. Трудности стимулируют.

Скажу о себе: с первых лент обо мне заговорили. Было немало наград. Но никогда никакими привилегиями не пользовался. Всю жизнь работал, снимал, зачастую в экстремальных условиях, и всю жизнь из долгов не выходил. Делая дело, я верил, что вношу свой вклад в развитие таджикского кино. Ну, и что, что ныне эта вера пошатнулась, и, прежде всего, потому, что фильмы моему народу не показывают. Но я буду снимать и дальше и делать все, чтобы положение изменилось. Большие надежды возлагаю на «Синамо».

— К политике отношение ваше нейтральное. А к религии?

— Как художник, никогда не говорю от имени нации. Я выступаю от имени людей разных вероисповеданий. Человечество тысячелетиями лелеяло, пестовало самое ценное, самое прекрасное, как драгоценную жемчужину — религию. Лучшего ничего до сих пор не придумано. Хочу оговориться — если религия не превращается в политику. К сожалению, такая опасность существует. И прецедент есть:

КТО МЫ? КУДА ИДЕМ?

Иран. Если наша республика пойдет по этому пути, нас ждет катастрофа. Ведь религия — категория нравственная, главное в ней — свобода воли, свобода вероисповедания.

В Коране записано — никогда не ратуй за свою веру, ибо один, убежденно принявший твою религию, в тысячу раз дороже, чем тысячи, принявшие ее насильно.

Видите, как стало легко управлять народом, просто, без особых усилий — поднять на митинги...

— Это хорошо или плохо?

— Очень плохо. Психология толпы: зависит от какого-то лидера, который хоть на краткий миг может зажечь и увлечь. К чему это приводит, всем известно. Это — от устоявшегося, от порождения тоталитаризма, системы подавления человеческой воли. Ничего удивительного нет в том, что устанавливается олигархия торгашей. Сегодня за все надо платить, причем, не тайком — открыто, ничего не боясь. Я живу над большим гастрономом. Прилавки пусты. Самая бурная деятельность развивается в шесть часов утра и после двенадцати ночи — к гастроному подъезжают разнокалиберные машины и увозят продукты ящиками, коробками, машинами.

И все допускается при лозун-

ге: «Надо накормить народ». Коль скоро в народе не душилась бы духовность, интеллект, до жизни такой мы не дошли бы. И долго нам придется в этом копошиться, потому как веками пестовалось в наших народах чинопочитание. Хозяин — барин!

На Западе права человека защищались: профсоюзы, Декларация прав человека и т. д. У нас в стране этого никогда не было — наши советские профсоюзы были прислужниками КПСС.

Кто больше всего страдал — те, кто «высовывался из трамвая». Их репрессировали, отправляли в дурдома, физически уничтожали.

Как-то по ЦТ выступал довольно интеллигентный с виду мужчина и говорил страшные слова. Смысл их: не бойтесь Запада, не бойтесь ядерной войны, бойтесь мусульман. Как он мог такое сказать? Было стыдно за него. Почитал бы он Коран, познакомился с учением суфиев. Вера — главный смысл человеческого существования, без веры рождаются воры, аферисты, жулики, убийцы, насильники.

О политизации скажу, быть может, наивно. Как можно разделять людей на расы: желтая, красная, черная, белая; почему должно быть ущемление прав, превосходство одной расы над другой? Думаю, это происходит

от махрового невежества. Люди ничего не знают и знать не хотят. Скажем, сейчас я отношусь к какой-то расе, потом — к другой. Бывает же такое: иногда возникает чувство родства с той же кошкой, охватывает невыразимая нежность по отношению к собаке... Если человека может сожрать крокодил или тигр, значит он не царь земли?

— Царями мы сами

себя нарекли.

— Учение о реинкарнации — замечательное наследие, сохранившееся в индуизме. Оно дает нам возможность быть в гармонии с собой, с окружающей средой, с людьми. У меня героиня в «Острове» живет в единении с природой, обнимает деревья, целует траву, цветы. Роль религии, нравственных устоев — великая сила.

Манкуртизм сознательно внед-

рялся системой. Когда человек думает, что он смертен, он позволяет себе все — воровство, убийство, насилие, деспотизм.

Наша империя породила два варианта людей: толпа, масса и функционер, вершащий судьбу низов. Самые примечательные люди, коих мне довелось наблюдать, — это секретари райкомов. Они похожи друг на друга, как близнецы.

Я поездил много и по республике, и по соседним регионам, и было ощущение такое: знакомые все лица. Немного интеллигентные, немного образованные, могут и стихотворение к месту припомнить, и цитатку вставить. Но ничего своего нет. Люди, сознательно убившие в себе личностное. Человеческое. Даже работами их назвать нельзя. А женщины этого ранга вызывают еще большую жалость: они редко выходят замуж, бывают лишены самого большого счастья — материнства. И ради чего?

— Ради того, чтоб править нами. И удавалось же в течение стольких десятилетий.

— Увы нам.

21 ДЕКАБРЯ В КИНОТЕАТРЕ им. А. ДЖАМИ В 15.00 СОС-ТОИТСЯ ЧЕСТВОВАНИЕ ЮБИЛЯРА И ПРЕМЬЕРА ФИЛЬМА «ДЖОСУС». А в Доме кино в 10.00 будет демонстрироваться лента «Благословенная Бухара». Такой подарок режиссеру-постановщику преподнесли «хозяева» ленты к его 50-летию. Если учесть, что другой возможности представить фильм большому количеству зрителей не будет, то подарок можно считать щедрым. Поклонникам же таланта Бако Садыкова, снявшего «Адонис XIV», «Глиняные птицы», «Время зимних туманов», «История одной истории», «Смерч» и другие художественные и документальные картины, настоятельно рекомендую: не упустите такой шанс.

Рано МАХМУДОВА.

НА СНИМКАХ: режиссер Бако Садыков (фото В. Кужеля); фрагменты из фильмов.